

ни их хладнокровия, ни монотонного падения их периодов. Люблю трагедии Шекспира, но не люблю лондонской безвкусной манеры их исполнения. Я не прочь от английской кухни, но я совсем не любитель продолжительных трапез, во время которых много пьют и мало веселятся. Наконец, я люблю англичанок больше, чем англичан, так как они, в большинстве, хорошо воспитаны, чувствительны и романтичны, а это — мой вкус. Я с удовольствием вернулся бы в Англию, но покидаю ее без сожалений» (455).

И что всего интереснее, предполагаемое издание писем должно было заканчиваться изложением его эстетической установки, никогда ранее так точно не излагавшейся:

«Земля, земля! Приветствую тебя, о мое отечество! Приветствую вас, мои любезные друзья! Еще несколько дней, и вы меня увидите в своем кругу. Доволен ли я результатами своего путешествия? Да, я ими доволен; я наслаждался, и этого довольно. Я видел цветущие берега величественного Рейна, великолепные Альпы, прекрасный Лиман, веселые равнины Франции, плодородные поля Англии, и я всегда буду с удовольствием думать о них. Я видел великих людей, и их священные образы навсегда запечатлелись в моей душе, боготворящей все, что есть прекрасного в природе человека. Я видел главные народы Европы, их нравы, обычаи, оттенки характеров, происходящие от разницы климатов, степени просвещения и, в особенности, формы правления; я их видел, и я научился быть более осторожным в моих суждениях о достоинствах и *недостоинствах* целых народов. Наконец, я собрал достаточно предметов, чтобы занимать мой рассудок, мой ум и мое воображение в часы сладостного покоя, который — предмет моих желаний. Пусть другие гоняются за состоянием и чинами; я презираю роскошь и те пустые знаки различий, которые ослепляют чернь. Но я хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики. И, если самолюбие меня не ослепляет, я могу этого добиться, трудясь на поприще лучшего из искусств — искусства слова — источника стольких наслаждений для тонких душ, столь заполняющего пустоту жизни. „Прекрасно лишь то, чего нет“, — сказал Ж.-Ж. Руссо. Пусть! если это прекрасное всегда от нас ускользает, как легкая тень, поймем его по крайней мере в нашем воображении, устремимся в область сладких химер, будем набрасывать прекрасный идеал, обманем сами себя и тех, кто достоин быть обманутым. Ах! если я не смог найти счастья на земле, может быть, я смогу его живописать — это уже значит быть, в некотором смысле, счастливым! Друзья мои! Приготовьте мне простое сельское жилище, опрятное, с маленьким садом, где я мог бы найти всего понемногу: зелени, цветов весной, тени летом, плодов осенью. Пусть в моем кабинете будет камин для зимы и книги на любой сезон! Дружба разделит